

18+

МАТИЛЬДА
АВАЛАНЖ

Ночу ТВОЮ
ЛЮБОВЬ

Хочу твою любовь

Матильда Аваланж

Хочу твою любовь

«Автор»

2020

Аваланж М.

Хочу твою любовь / М. Аваланж — «Автор», 2020 — (Хочу твою любовь)

Когда меня стал преследовать самый плохой парень колледжа, я была искренне уверена, что хуже быть не может. Я не подозревала, что вскоре совершу страшное преступление, а за моим эфиром будут охотиться тёмные сущности из самых жутких кошмаров. И цена помощи единственного, кто может решить все мои проблемы, неприлично высока. **ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ**

Содержание

Глава 1. Церковь	5
Глава 2. Соучастники	15
Глава 3. Ашборг	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Матильда Аваланж

Хочу твою любовь

Глава 1. Церковь

13 лет назад

– Чудо-крошка, чудо-крошка, лохматый ангелок, дай мне то, чего желаю, звездный мой цветок...

– Глупая песенка!

– Вот и не глупая! А, наоборот, самая взаправдашняя!

– Это все сказочки для малышей, будто есть такой волшебный цветок, который может исполнить любое желание! Мультиков насмотрелась, глупышка!

– Неправда! Волшебный цветок есть! И цветет он рядом с большим дубом в саду фру Кендрезе! – скрестив руки на груди, десятилетняя Аврора Йорк топнула ногой. – Скажи еще, будто бы она не ведьма!

Упоминание этого имени стерло усмешку Розали Карей, с которой она слушала песенку, что напевала Рори. Подружки сидели на качелях в заросшем буйной растительностью саду Йорков, отделенном живой изгородью от сада их соседки, про которую в городке слухи определенного толка. Нельзя не признать, что старая фру Кендрезе действительно смахивала на ведьму, какими они изображались на картинках в книжках.

Все время в темном, сгорбленная, угрюмая, фру Кендрезе вечно шептала себе под нос непонятные слова и осыпала девочек ругательствами, стоило им появиться в поле ее зрения. А уж про мрачный дом, больше напоминающий декорации к фильму ужасов, в котором жила соседка, можно было и не говорить. Впрочем, жилище отца Рори было немногим лучше. Он все собирался заняться ремонтом, но, как у него это обычно было, дальше слов дело не заходило.

– Рядом с большим дубом в саду Кендрезе астры цветут! Ничего в них волшебного нет, сама знаешь! И вообще, может, она не ведьма вовсе, кто проверял-то! – понимая, что если признает это, то ей придется признать и факт существования волшебного цветка, заупрямилась Розали Карей. – Может, она просто сварливая старуха? Рехнулась после того, что произошло с ее сыном Яном. Оно и немудрено! Он ведь дооолго лежал в больничке. Говорят, по ночам санитары привязывали его к кровати, потому что он не мог спать – кричал, что к нему приходят жуткие демоны из ада и зовут его с собой. Раздирал себе ногтями лицо, вот так! – Роз скрючила пальцы и карикатурно изобразила, как карябает щеки, явно намеренно пугая Аврору. – И одной темной-претемной ночью Ян сбегал... И пришел к себе домой... И облил бензином свою спящую жену, а потом бросил спичку и наблюдал, как она горит!

Аврора поежилась, вспомнив страшную историю. Яном Земаном в Гарвен-Гроув пугали маленьких детей. Мол, не будешь слушаться – он придет к тебе ночью и подожжет твою кровать. Но, справедливости ради стоит заметить, что отец никогда не пугал Аврору этой страшилкой.

– А еще что про нее говорят, ты не забыла? – стараясь не показывать испуга, Рори с силой оттолкнулась ногами от земли. – Вроде совсем недавно кое-кто признался мне, что боится, что она превратит этого кое-кого в жабу!

– Ну-у-у, – взглянув на кривой шпиль на одной из башен дома Кендрезе, верхушка которого виднелась из-за деревьев, Розали поежилась, тоже оттолкнулась, и качели полетели. – Положим, она обладает кое-какими силами, однако... Астра, исполняющая желание, из той песенки – это совсем уж детский лепет, Ро! Тогда бы каждый-всякий запросто мог пожелать, чего вздумается!

– Каждый всякий! А ты поди выполни все условия! – перебила Рори и проговорила нараспев. – Найди место, где под дубом астры цветут. Ровно за час до заката солнца туда приди и вырой ямку. Положи в нее что-то железное, что-то соленое, что-то золотое, что-то красное, что-то противное...

– Что-то мокрое, что-то вкусное и что-то дорогое сердцу... – закатив глаза, продолжила Роз. – Три раза подпрыгни на правой ноге, плюнь за левое плечо, закрой глаза и считай. На сто седьмом счете солнце скроется – открой глаза, сорви волшебную астру, и уходи быстро, но не бегом.

– Ты еще забыла, что оглядываться нельзя! – добавила Аврора.

– Да-да, конечно! Ни в коем случае, иначе сам дьявол утащит тебя в преисподнюю! – закатила глаза Роз. – Наслушалась Крису Аувинен сегодня в школе? Опять ведь выпендрилась, гадина! Весь свой дурацкий доклад разрисовала цветочками, котятками и звездочками. Литераторша даже похлопать ей велела, так восторгалась, так восторгалась!

– Вот еще! – заметно помрачнела Аврора. – Буду я ее слушать после того, что она тогда про папу сказала...

– Не обращай внимания, – неумело сплюнула Роз. – Эту задаваку все равно, кроме учителей, никто не любит. Про моего отца она вон тоже гадости говорила, пока я ей клея в сумку не налила. Хочешь, повторим?

– Было бы неплохо, – злорадно ухмыльнулась Рори, вспомнив, как Криста верещала из-за того, что у нее склеилась ее любимая Розовая Анкета, которую она давала заполнить всем девочкам в классе, кроме Авроры и Розали.

Подруги еще немного похихикали, строя самые разнообразные планы мести противной Аувинен, а потом Роз проговорила:

– Папа обмолвился, что Уолли позавчера не вышел на работу, и им срочно пришлось искать водителя автобуса на замену. Он... опять, да?

– Твой отец приезжал к нам сегодня утром, – тихо сказала Рори, помолчав. – Он сказал папе, что дал ему шанс, ведь никто не хотел брать его на работу... Надеялся, что папа не подведет, но он подвел и теперь твоему отцу придется его уволить...

Розали вздохнула, но ничего не сказала, а Рори затянула своим мелодичным голосом строчки про цветок.

– А знаешь, я докажу, что все это правда! – решительно проговорила она, вдруг оборвав песенку на полуслове. – Что волшебный звездный цветок существует!

– Неужто в сад к Кендрезе полезешь? – округлила глаза Розали. – И не испугаешься?

– А ты б не полезла ради такого цветка?

– Я – нет! – с испугом выпалила Роз. – И тебе тоже лучше этого не делать! Верю, верю я в твой звездный цветок, только, пожалуйста, не суйся к ведьме, Ро!

– Нет, я докажу! – упрямо возразила Рори и посмотрела на веранду, где, уже с обеда мертвецки пьяный, спал отец.

Она знает, какое желание загадать. Очень простое желание. И тогда все будет хорошо.

– Я еще раз повторяю, Бри, не мог он сбежать! Родной сын от родного отца?! Соображаешь вообще, что мелешь, женщина? Нет, ничего мне не накладывай, только кофе плесни. И покрепче! Он бы не посмел, сопляк эдакий! Он вот где у меня был! Вот где!

Азриэль Франсон показал крепко сжатый волосатый кулак, который замаячил перед самым носом Рори. Задумавшись, она плеснула морковный сок прямо на стол: просто не заметила, что высокий стеклянный бокал наполнился, и продолжала лить из графина оранжевую жидкость, призванную взбодрить в это пасмурное апрельское утро.

Спихватившись, поспешно схватила тряпку, принявшись оттирать липкую лужицу, в которой плавали островки мякоти моркови: благо, скатерть сегодня Бриггитой Франсон постелена не была.

Наудачу, приемные родители были настолько заняты разговором, который вели на повышенных тонах, что не обратили внимания на ее промашку.

– Разумеется, я не верю, что наш милый, тихий, домашний сыночка был способен на такое, Аз, – всплеснула руками Бригита, чуть не опрокинув при этом чашку свежесваренного кофе, которую поставила перед мужем. – Но мы должны рассмотреть все варианты. Чад – чудесный мальчик, светлый, чистый, доверчивый... А что, если он попал под чье-то дурное влияние? Плохие люди запудрили ему мозги, наобещали невесть что... Или какая-нибудь вертихвостка вскружила голову...

При слове «вертихвостка» взгляд приемной матери почему-то упал на Рори, но скорее, машинально, ибо мать занимали другие мысли.

– Хватит болтать ерунду! – отрезал Азриэль, сделав глоток из своего огромного бокала огромный глоток. – Если бы в Гарвен-Гроув объявилась какая-нибудь залетная шпана, да еще стала крутиться около моего сына, я об этом знал! Да он не дурачок, чтоб вестись на задницу какой-нибудь телки. С ним что-то случилось, говорю тебе! И я буду не я, если не узнаю, куда мой сын пропал месяц назад и где он сейчас! Если какой-то ублюдок посмел причинить Чаду вред, ему не поздоровится, клянусь честью!

Аврора уткнулась в свою тарелку с овсяной кашей с оттаявшими ягодами, невероятное количество которых Бригита заморозила прошлым летом и с тех пор клала во все десерты. Остывшая склизкая овсянка с расплывшимися бурными островами в ней выглядела не особо аппетитно, напоминая что-то нехорошее.

Что-то, о чем она сейчас вспоминать не могла...

– По поводу ублюдка... – поджала губы Бригита. – По-моему, ты недостаточно хорошо тряс Скуиллера Батча! Чад в последнее время с ним дружбу водил. Что странно – этот оборванец абсолютно неподходящая для Чадика компания!

– Уж поверь мне, с этим выродком я по душам побеседовал! – перебил Азриэль, нехорошо усмехнувшись. – Они выпили пива, а потом Чад сказал, что пойдет домой.

– Но не дошел... – медленно закончила Бригита и повернулась к Авроре. – Ты! Ты была в тот вечер дома! Он точно не появлялся?

Рори помотала головой, с трудом проглатывая вставший в горле ком.

– А сама? – этот вопрос приемный отец задавал не в первый раз, и каждый раз она замирала, боясь, что вот-вот он потянет за ниточку и вытащит из нее всю правду. – Ты никуда не уходила в тот вечер? К тебе никто не приходил?

– Только Розали, – ответила Рори и сама удивилась тому, как естественно звучит ее голос. – Мы с ней немного погуляли и все. Чад ушел перед тем, как вы уехали к Монтегью, с тех пор я его не видела...

– Никто не видел ничего подозрительного – ни ты, ни Батч, ни соседи! – со злобой выпалил Азриэль. – Никто ничего не видел, никто ничего не знает! Мой сын как сквозь землю провалился, черт его дер!

– А Маркетту Моравиц ты успел допросить, перед тем, как она уехала к своим сыновьям? – поинтересовалась приемная мать. – Она вечно мучается бессонницей, может, видела что-то?

– Моравиц? – презрительно переспросил Франсон. – Да эта старая кошелка слепа, как крот! По-моему, она и за кошками своими вонючими убирает на ощупь!

– Мы даже не знаем, жив ли он! – Бригита всхлипнула. – Мой милый, добрый, замечательный мальчик! Другого такого нет, и никогда не будет!

– А ну прекрати разводить мокроту! – Азриэль стукнул кулаком по столу, отчего тарелки и чашки резво подпрыгнули. Приемный отец вообще любил таким образом подтверждать свои слова. – Чад жив, я уверен в этом! И я его найду!

– Тем более теперь, когда станешь шерифом Гарвен-Гроув... – слезы довольно быстро высохли, и в голосе Бригиты послышалось радостное предвкушение. – Ведь Абнор уходит на пенсию...

– Как бы не так! – гаркнул приемный отец и в голосе его зазвучала неподдельная ярость. – Эти крысы из мэрии уже подсутились! Вместо старика Абнора у нас будет новый шериф. Из самого Предьяла! Я видел вчера приказ. Нет бы назначить проверенного человека, местного, они позвали какого-то чужака, который не знает о жизни Гарвен-Гроув ничего! Зато у него куча дипломов и он какой-то долбанутый почетный выпускник Полицейской Академии!

– Мерзавцы! Сидят там в мэрии на своих жирных окладах, а о простом народе и позаботиться не могут! – возмущению Бригиты не было предела. – Они должны были назначить новым шерифом тебя – всем стало от этого только лучше! Я была совершенно уверена, что после отставки Абнора ты прикрепишь шерифскую звезду!

– Прикреплю, да только не себе! – сердито сказал Азриэль. – Ее вот так запросто получит какойто левый урод – скоро приедет и получит!

– Послушай, а вдруг он привезет *своего* помощника? – вдруг встревожилась Бригита. – Или назначит кого-то другого из нашего участка?

– Вот еще! С какой это радости ему назначать другого помощника? – еще больше рассердился приемный отец.

– А с такой! Говорят же, новая метла по-новому метет, – задумчиво протянула Бригита. – Ты должен будешь встретить его гостеприимно, а еще обязательно пригласить на ужин. С самого начала нужно дать ему понять, что мы ему не враги и во всем собираемся поддерживать его, какую бы методику он не избрал.

– Значит, я должен буду выделяться перед этим заезжим хлыщом? Сейчас, когда должен искать нашего сына! Тебе совсем, что ли, Господь ума пожалел, Бри? Да пошел он далеко и надолго, этот столичный хмырь! Понаехали тут! Сначала братец, теперь вот этот...

Но, на взгляд Авроры, как раз наоборот, бог наградил ее приемную мать очень изобретательным умом, и в этом плане она была гораздо хитрее, чем приемный отец. И делал он, в конечном счете, именно то, что она говорила. Рори нисколько не сомневалась, так будет и в этот раз – с подсказками Бригиты Азриэль удержит место помощника при новом шерифе.

Именно ее, Бригиту, Аврора боялась больше Азриэля, у которого, по сути, точно должны были возникнуть подозрения, при его-то должности.

Но приемный отец никогда не отличался внимательностью, в отличие от приемной матери. Рори все ждала, что она обратит внимание, что в гостиной что-то не так. Ждала на следующий день. И на следующий...

Ждала.

Сдвинутая на пару сантиметров семейная фотография на стене.

Вычищенный ковер.

Переставленные статуэтки на камине.

Какие-то еще мелочи, которые они упустили из виду, но которые легко могла заметить хозяйка дома. Материнское чутье должно было обостриться – ведь ее сын пропал, а его дух, наверное, еще витал здесь, над местом, где он встретил свою смерть.

Но с той страшной ночи прошла неделя. Потом другая, а потом дни перестали тянуться так мучительно медленно и просто пошли.

Чада или хоть какие-то его следы искали везде, но не в особняке Франсонов. Все как-то сразу поверили в то, что домой он не возвращался... Азриэль и еще несколько полицейских

пару раз обыскивали его комнату. Но весь дом и, в частности, гостиную, им в голову почему-то проверить не пришло.

Ей об этом никто не рассказывал, но Аврора подслушала, что в комнате Чада полицейские обнаружили секретный шкафчик с богатейшей коллекцией эротических журналов и порно-дисков. Вот только на светлый образ сына, существующий в голове Бригиты Франсон, это абсолютно никак не повлияло.

После исчезновения Чада Бригита нашла свое утешение в Авроре. Но не в том, что увидела в ней дочь, стала как-то человечнее относиться... Вместо этого приемная мать избрала Рори своим психологическим донором, изводя бесконечными разговорами о сыне. О том, какой он замечательный, великолепный, выдающийся и какое наступит счастье, когда он вернется домой...

Вот только Аврора знала точно: Чад не вернется уже никогда.

Поначалу слушать приемную мать было тяжело. Рори ловила себя на мысли, что в какие-то моменты с трудом сдерживается, чтобы не сказать Бригите правду. Снять хотя бы небольшую часть непомерного бремени вины, которое легло на ее плечи, когда она нажала на курок. Признаться в убийстве, а там гори все синим пламенем.

Да, поначалу молчать было невыносимо. Но с каждым днем желание признаться слабело, и, в конце концов, она научилась отключаться от навязчивой радиостанции под названием «Ангелоподобный Чад, К Идеальности Которого Тебе Не Приблизиться Никогда». И стало если не легче, то хотя бы спокойнее.

Совсем спокойнее было, если приемная мать не таскала Аврору каждое утро в церковь – молиться о том, чтобы Чад поскорее нашелся и пребывал при этом в добром здравии и хорошем настроении. Без Авроры Бригите как-то не молилось.

Старинная церковь – одна из достопримечательностей Гарвен-Гроув. Она даже внесена в список объектов культурного наследия страны. Рори всегда с каким-то особенным трепетом входила в таинственный полумрак под эти высокие своды, разглядывала мраморные колонны со статуями святых, стрельчатые окна с разноцветными витражами и массивную люстру с сотнями свечей прямо над хорами.

Бригита заняла скамью практически напротив алтаря. Аврора приближаться к алтарю не хотела, поэтому, наоборот, села в последних рядах, где было сумрачно и прохладно. За исключением двух-трех человек в это раннее утро церковь была пуста.

Как и каждый раз в этом месте, к горлу подступил ком, который Рори с трудом проглотила, чтобы он темным грузом залег на самом дне ее души. Какое-то время она думала, что не сможет с этим жить – бессонными ночами ей казалось, что она действительно сойдет с ума, заблудится в паутине черных мыслей.

Она убила человека. Лишила жизни живое существо.

Сможет ли когда-нибудь себя за это простить?

– Красиво здесь. Сразу такие возвышенные, одухотворенные мысли. У тебя такого нет?

Наверное, надо было перестать удивляться способности этого человека появляться как будто из ничего за ее спиной.

Человека ли?!

Слишком страшный вопрос.

Гэбриел Франсон пригнулся к ней с заднего ряда, небрежно облокотив руку о спинку ее скамьи. Рукав его безукоризненной черной рубашки задрался, обнажив мужское запястье с часами, которые замаячили прямо у Рори под носом. Циферблат был закрыт прозрачным стеклом, позволяющим увидеть часовой механизм во всех деталях. Его мосты и пластины складывались в стилизованное изображение черепа, в зубах которого находилась миниатюрная конструкция с крошечным фиолетовым камнем посередине.

– Это? – он безошибочно определил, куда направлен ее взгляд. – Небольшое усложнение механизма, система, компенсирующая земное притяжение и обеспечивающая часам сверхточность.

– Турбийон позволяет нивелировать притяжение Земли, но не до конца, – проговорила Аврора вполоборота к нему. – Минус одна, плюс две секунды погрешности все-таки есть.

– Какие глубокие познания! – судя по голосу, он усмехнулся. – Я поражен.

– В доме отца весь чердак был завален старинными книгами, – она и сама не знала, зачем объясняет это. Зачем говорит что-то обыденное, когда от одного его присутствия рядом ее начинает трясти. – Может, среди них даже были какие-то ценные издания. В одно очень дождливое лето мы с подругой не вылезали с того чердака.

– Я крайне равнодушен к вещам со своей историей и, чем она интереснее, тем лучше, – сообщил Гэбриел и спросил с интересом. – Вы показывали эти книги букинисту? Там оказались редкие?

– Отец сжег их на заднем дворе. Ему не нравилось, что мы роемся в старых пыльных вещах. Наверное, боялся, что подхватим какую-нибудь инфекцию или нас покусает крысы.

– Хочешь его увидеть? – как ни в чем не бывало спросил Гэбриел Франсон.

– Свидания запрещены, – с минутной заминкой ответила Рори.

Как будто это был самый обыкновенный вопрос.

Сколько раз она говорила себе: нет, ты сходишь с ума, тебе кажется, этого просто не может быть...

Потому как, если это правда, она страшнее того, что произошло в ту ночь между ней, Чадам и Скуиллером Батчем. Она так страшна, уродлива, так безнадежна, что содрогаешься, стоит лишь хоть на мгновение поверить.

Боже правый, лучше бы она действительно повредила в уме...

– Любой запрет можно обойти. Если ты действительно этого хочешь, разумеется.

Теперь Гэбриел уже не позади и по левую сторону от нее, теперь он прямо за ней. Рори чувствует его дыхание на затылке – в уязвимом месте под наскоро забранным пучком ее темно-рыжих волос и холодок пробегает вниз, под воротник блузки прямо по выпрямленной спине, затекшей от напряжения.

Бригита сидела, не оборачиваясь, как будто совсем позабыв об Авроре, хотя обычно не отпускала ее от себя, под высокими сводами ворковали голуби, мимо прошел священник, задев край скамьи своей пурпурной сутаной.

Все было как всегда, повседневно, обыденно, но ей не было места в этой обыденности, так же, как и тому, кто находился за ее спиной.

– Я думала, что... – язык слушается ее с трудом, словно она не пила несколько дней, оттого голос звучит невнятно и силпо, как у глубоко простуженной. – Я думала, что вам запрещено находиться здесь...

– Где написано, что обычному человеку нельзя зайти в храм божий и помолиться о спасении своей души? – Гэбриел Франсон удивился совершенно искренне, но эта искренность была оскорбительна. – Говорили эти... как там их... ну, фанатики в белом с фестиваля – скоро ж Апокалипсис! Надо покаяться в грехах, быть добрее и все такое... Вот у тебя, например, какой самый тяжкий грех?

Аврора задохнулась, судорожно вцепившись в гладкую деревянную спинку скамьи, что находилась перед ней. Она давно хотела уйти, но вместо этого сидела на месте, как пригвожденная.

– Мой брат так сильно переживает пропажу Чада, прямо сердце кровью обливается, – сочувственно проговорил Гэбриел, потому что она молчала. – Признался: надеется, что он живой. Бедняга Аз, даже думать не хочу, каково это – потерять своего единственного сына. А

ты как полагаешь, Рори, жив твой брат или нет? Есть ли надежда на его возвращение или его хладный труп прикопан где-то под мостом?

Под мостом...

– Если хотите меня шантажировать, напрасно, – помертвев, одними губами прошептала Рори прежде, чем сообразила, что фактически призналась в убийстве. – Можете пойти в полицию и все рассказать.

– И в мыслях не было, – он услышал и склонился ближе, к самому основанию ее шеи, медленно покачал головой и отрицательный жест превратился в ласку. – Пахнешь морковкой, невинностью и сливками. Прямо как маленький хорошенький зайчишка. Все портит только горечь вины.

Трепеща, Рори почувствовала, как при его движении твердые теплые губы скользят по ее беззащитно открытой коже.

В церкви!

Нельзя... Нельзя...

Сексуальность, умело спрятанная под маской нежности, интимного прикосновения, порочного в своей естественности.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты перестала мучиться от этих дурацких и на хрен никому не нужных угрызений совести, – продолжил он.

– Что?

Не выдержав, она обернулась. Не потому, что он знал – это как раз было неудивительно. Ее поразили смысл этих слов – тех слов, которые были сейчас так ей нужны.

Гэбриел Франсон, слегка усмехаясь четкими чувственными губами, смотрел на нее из-под тяжелых век. И бездонная глубина этого взгляда делала его вроде бы обыкновенное лицо зрелым, наполненным внутренней силой, и... по-настоящему красивым.

Испугавшись, Аврора резко отвернулась, безуспешно пытаясь найти в себе силы вскочить и бежать от этого существа, которое лишь притворялось человеком, на самом деле будучи чем-то по-настоящему жутким, древним и могущественным. А в следующее мгновение Рори почувствовала, как он положил ладони ей на плечи, и тяжесть его рук была такой расслабляющей и приятной, что она отдала все сокровища мира, лишь бы он их не убирал.

И она увидела гостиную Франсонов и труп с размноженной головой на ковре, в обезображенном лице которого с трудом можно было узнать Скуиллера Багча. А рядом себя, голую и истерзанную, с пистолетом, который Чад приставил к ее затылку. Она стояла на карачках, а он ритмично двигался в ней сзади, и ее лицо было искажено от боли.

– Вот, что произошло, если бы ты не выстрелила, – вкрадчивый голос Гэбриела раздался над левым ухом и он сжал ее плечи сильнее, расслабляя, унимая в ней нервическую дрожь, вызванную этой жуткой картиной. – И как, по-прежнему жалко бедную невинную душу Чада Франсона? По-прежнему сожалеешь, что лишила жизни это творение божье? Не смущает, что оно собиралось натворить?

– Неужели Чад действительно был способен на такое зверство? – выдохнула Аврора.

– Под действием алкоголя люди совершают куда более дикие поступки, – пожал плечами он. – Но тут алкоголь почти не причем. Между нами говоря, душонка твоего брата была довольно мерзкая и отправилась куда следует, можешь мне поверить.

– Оправдание убийства... – помимо воли Рори усмехнулась, хотя сейчас ей было точно не до смеха. Отправилась, куда следует. В ад. – Наверное, было глупо ожидать чего-то другого от... от...

Последнее слово застряло где-то в легких: язык не повернулся произнести его, тем более здесь, под этими светлыми сводами.

– Ты фантазерка, Аврора, – ее заикание его развеселило. – Сама подумай – будь я дьяволом, разве смог войти сюда?

Рори растерялась, но тут же постаралась взглянуть трезво. Он играет с ней, дурачит, хочет сбить с толку. Такова природа нечистого. Или... Или на фоне произошедших событий у нее действительно открылись серьёзные проблемы с психикой?

– Откуда тогда вам известно про... Чада? – эхом отозвалась она.

– Я предположил, – искренность его тона была с лихвой компенсирована усмешкой.

– Вы *знали*, – тихо, но очень твердо сказала Рори. – У любого человека мое признание вызвало бы удивление и шок. Но вы... Возможно, даже видели все своими глазами. Вы имеете такую возможность, потому что вы... Не человек.

В другом месте она побоялась сказать это. Просто не смогла, умерла от страха. Но ведь это церковь! Это божий храм! Он не сможет с ней ничего сделать. Здесь нет его власти!

– Нет моей власти? О, девочка... – его голос, господь милостивый, этот его голос – от одной только тональности можно было растечься лужицей подтаявшего клубничного мороженого. – Я мог бы трахнуть тебя прямо на этом самом алтаре, но, сказать по правде, не такой уж я и плохой, несмотря на растиражированный образ. Он, – Франсон едва заметно кивнул на распятие, – хочет, чтобы совесть терзала тебя яростнее бешеной собаки. Я говорю: детка, о каких угрызениях совести может идти речь? Ты правильно сделала, что пристрелила этого подонка. Ну, и кто более милосерден?

Не дожидаясь ее реакции, Гэбриел легко поднялся и направился к боковому проходу.

Позади скамей, окруженные цветами, были расположены тяжеловесные чаши, полные святой воды, чтобы каждый верующий мог омыть лицо, руки, зачерпнуть воду с собой.

Около одной из таких чаш Гэбриел остановился и, проведя пальцами по гладкому белому мрамору, небрежно опустил их в воду. Никто в церкви, кроме похолодевшей Рори, не заметил, как зашипела, задымилась вода, словно в нее опустили раскаленное железо.

Сам же Гэбриел Франсон не проявил никаких признаков боли. Послав ей обаятельную улыбку, он стряхнул с пальцев воду, демонстрируя их целостность и неувредимость, после чего, подмигнув, скрылся в дверях.

Рори бессильно откинулась на лавке – пережитое напряжение было настолько сильным, что когда оно отпустило, ее охватила страшная слабость.

– Знаешь, сегодня мне как-то особенно хорошо и светло молилось. Как будто благословение снизошло, словно какой-то дивный голос сказал, что Чад жив и скоро вернется... Что с тобой, милая? Ты выглядишь бледной.

Бригита склонилась к ней с трогательной заботой, но Рори знала, что это лишь одна из ее масок, самая любимая маска – кроткой и милосердной добродетели. Но, даже понимая это, Аврора вдруг ощутила страстное желание рассказать, поделиться, как с настоящей матерью. Слишком темная и мрачная туча надвигалась на нее.

– Все хорошо, просто тут немного душновато, – через силу проговорила Рори. – Что касается Чада... Уверена – с ним все в порядке!

– Да услышит твои слова Господь, моя милая добрая девочка! – со слезами в голосе воскликнула Бригита.

13 лет назад

Углубление она сделала детским совком с отломанной ручкой. Конечно, таким много не накопаешь, но важна не глубина ямки, а то, что Рори собиралась в нее положить.

В этот предзакатный час в саду старухи Кендрезе было слишком тихо. Благоухали неведомые травы и цветы, которые росли только здесь, липы и дубы сплели свои ветвистые кроны в загадочные узоры, а вечерняя роса насквозь промочила матерчатые клетчатые тапочки Рори, которые тут же стали заляпанными грязью.

Что-то железное, что-то соленое, что-то золотое, что-то красное, что-то противное, что-то мокрое, что-то вкусное и что-то дорогое сердцу...

Рори расстегнула шитую бисером сумочку – подарок Розали на прошлый День Рождения. Там лежали ножницы, щепотка соли в пузырьке из-под лекарства, монетка, красная шелковая ленточка, ломтик заплесневелого сыра, носовой платок, который она смочила водой, красное яблоко и копеечная пластиковая брошка-розочка, которая, как говорил папа, принадлежала ее матери.

Прикусив язык от сосредоточенности, она сделала все так, как говорилось в заговоре, и принялась считать.

Сине-фиолетовые астры пахли так нежно, свежо и каждый лучистый густомахровый цветок действительно напоминал многоконечную звездочку, будто кто-то горстью сыпанул их прямо под сень дуба. Одна из них станет волшебной, и сбудется то, чего Рори хочет больше всего на свете.

Отец никогда не прикоснется к бутылке, устроится на работу, с которой его не выгонят с позором, как обычно... Он купит новый красивый дом и все в Гарвен-Гроув е перестанут смотреть на них косо. И когда они с папой станут такой дружной и веселой семьей, он встретит хорошую добрую женщину. Она будет кондитером, а даже если и нет, все равно будет вкусно готовить, особенно сладкое – всякие пироги, торты, оладушки. В их доме всегда будет пахнуть вкусной едой, вместе станут смотреть фильмы по телевизору, читать про Тома Сойера... И быть может, Аврора сможет назвать эту женщину мамой...

Увлекившись своими радужными мыслями, Рори досчитала до девяносто одного, как вдруг с ужасом поняла, что глаза-то она не закрыла! Каждому ясно – чтоб заговор сработал, нужно строго выполнять все условия, в таком деле ошибаться нельзя! И что теперь? Не будет ничего? Ни работы у отца, ни нового дома, ни пирогов, ни семьи, похожей на семейство Розали – такой, крепкой, любящей, дружной Аврора рисовала свою семью в мечтах...

Солнце уже почти село – у кустов и деревьев выросли длинные уродливые тени, которые ползли, наступали на Рори, точно живые. Девочка зажмурилась и принялась торопливо считать сначала.

– Эй! Эй ты, пизалица! Что это ты тут делаешь? – вдруг раздался гневный окрик. – Кто разрешил тебе заходить в мой сад?

Соседка, фру Кендрезе, стояла прямо перед ней! И как смогла подойти так бесшумно?

Рори сорвалась, как вихрь, но в своих мокрых тапочках поскользнулась на сырой и влажной земле, шлепнувшись прямо в грязь.

– Попалась!

С неожиданной силой старуха поймала ее за шиворот. Последние солнечные лучи растаяли, растворились в холодном воздухе – сумерки сгустились слишком резко, как будто кто-то щелкнул выключателем.

– А ну говори, мерзавка, чего пришла?

Всклипнув, Рори отчаянно завозилась в грязи, пытаясь высвободить воротник из клеиши Кендрезе. Старуха нависла над ней, как никогда похожая на ведьму: седые волосы неопрятно торчат в разные стороны из-под черного платка, обмотанного вокруг головы, тонкогубый рот искривлен, а в сощуренных глазах злоба.

Они с Роз постоянно болтали о том, что соседка ведьма, но все-таки в глубине души Аврора не верила, что это правда. Просто хотелось поговорить о загадочном, придумать себе какую-то страшилку, помечтать, что таинственное рядом. И все же эти разговоры были понарошку.

Ведьм не существует, ведь правда же?

В следующее мгновение Кендрезе вытаращила глаза, а ее хватка ослабела. До смерти испуганная Аврора рыбка скользнула в сторону, но у живой изгороди стала, как вкопанная – путь ей отрезала тьма.

Словно кто-то капнул в воздух чернил, и они растеклись в окружающем пространстве, сгущая вокруг небольшого пятка мрак.

Старая Кендрезе изменилась, стала совсем не похожа на себя. Вместо неопрятных патл – белые волосы, собранные в пучок на затылке. Вместо бесформенного балахона – джинсы и замшевая куртка. Вместо озлобленного оскала – благородные, красивые черты лица. Этот образ казался намного более привлекательным, если бы не глаза – два темных зияющих провала, из которых брызнула чернота, что поглотила жалкие остатки света.

– Помогите! – пронзительно закричала Рори. – Папа, папочка!

Она осталась в крошечной темноте один на один с этой жуткой старухой. Не стало ни деревьев, ни сада, ни дома, это было какое-то другое место, непонятое, темное, страшное. В панике Аврора закружилась, бросаясь в разные стороны, но повсюду было одно – липкая, холодная, враждебная мгла, в которой существовало что-то разумное, живое, злобное.

Оно, в отличие от Рори, прекрасно ориентировалось в этой темноте.

– Мицара, – сказал кто-то во тьме невнятно, будто рот его был полон болотной тины, камушков и лягушачьей слизи. – Мицара, отдай свой эфир...

В нос ударил сладковатый запах застоявшейся гнили, от которого Рори чуть не вывернуло наизнанку, а потом она почувствовала на щеке прикосновение влажных костистых пальцев.

– Папа! – на самой высокой ноте завизжала Рори. – Папа, помоги!

В тот момент, когда она, всхлипывая и трясясь, перегнулась пополам, чувствуя, что сейчас умрет от ужаса в этой темноте, раздался выстрел.

Сгустившуюся вокруг Рори тьму прорезал свет, такой яркий, словно он исходил от прожектора. Подняв голову, Аврора увидела отца. Всклопоченный, помятый, он стоял на садовой дорожке, держа в одной руке светодиодный кемпинговый фонарь, а в другой ружье.

– Что за... – Уолли Йорк грязно выругался, не в силах оторвать взгляд от старой соседки, бесформенной темной кучей осевшей прямо в клумбу астр.

Только глянув, Аврора подбежала к отцу, спрятав лицо в поле его куртки. Не было никакой незнакомой старухи с белыми волосами и черными глазами. Среди пышных фиолетово-синих астр лежало безжизненное тело фру Кендрезе.

– Я хотела сорвать звездный цветок, папа... – зарыдала Аврора. – Я просто хотела, чтобы все было хорошо...

Отец неловко обнял ее, гладя по голове и бормоча успокоительные фразы, но как-то машинально. От него пахло спиртным, а руки его дрожали. «Эта тварь хотела тебя убить!», – повторял он, но испуганный взгляд его постоянно возвращался к лежащей в клумбе Кендрезе.

– Ничего-ничего, малышка, – прошептал Уолли и крепко ее обнял. – Я брошу пить, мы, наконец, продадим эту старую развалюху, в которой живем, и переедем в другой район. Все еще будет хорошо...

Но Аврора точно знала: теперь не будет.

Глава 2. Соучастники

Процессия, медленно движущаяся по Раблингтон-стрит, прекрасно просматривалась из окна колледжа Тиудора Адафанса, на широком подоконнике которого Рори и Розали наспех делали задание по современным компьютерным технологиям. Предмет, на взгляд Рори (да и Роз тоже) абсолютно бесполезный – ЭВМ в колледже были настолько устаревшей модели, что от них было больше толку в лавке антиквара, нежели в компьютерной аудитории.

Профессор СВТ, впрочем, так не считал – когда умные машины барахлили, он мелом рисовал на доске экран компьютера и с головой уходил в алгоритмы кодирования и декодирования, логические выражения, таблицы, команды, графики. Все его каракули нужно было обязательно зарисовывать, иначе не имелось никаких шансов справиться с заданием на дом. А ввиду того, что допотопные компы с огромными мониторами были уже на последнем издыхании, проявлять способности художников ученикам колледжа приходилось очень часто.

Откровенно говоря, неуд по СВТ за то, что не изобразила, как на экране компа выглядит программа Эксель, был последним, что сейчас волновало Рори. Но она с преувеличенной аккуратностью перерисовывала схематичное изображение из тетради Розали.

– Маразм крепчал, – заметила подруга, провожая взглядом колонну Детей Надежды, уже практически повернувшую за угол Раблингтон. – Похоже на настоящее чучело... И не скажешь, что из папье-маше...

Аврора подняла взгляд от тетради, хотя искренне не хотела этого делать. Все в белом, Дети Надежды со своих транспарантов вешали о приходе в этот мир дьявола, скором конце света и зазывали в спасительную обетованную землю, дорогу куда знали только они. Впереди всех шел пастор Мэт Ленард в холщовой белой рубашке и белых штанах. Был он бос, а в руках для пушного устрашения нес деревянный шест с чучелом страшного зверя, изображающего, надо полагать, сатану. У него было семь рогатых голов с распахнутыми в злобном оскале пастьями – клыки для пушного эффекта были обмазаны чем-то красным. Когда пастор потрясал палкой, казалось, что головы шевелятся – наверное, они были на пружинах.

– Дойдут до перекрестка Чаттерлей, там-то, прямо у участка, твой приемный папаша их и повяжет, – проговорила Розали, с аппетитом откусывая большое красное яблоко. – Мало их пастору пятнадцати суток, которые ему Азриэль на Дне Ежа впалял?

– Отец его все двадцать продержал, – проговорила Рори, ища взглядом среди медленно движущихся белых фигур фру Эк, но школьного психолога среди них не углядела.

– О, и этот ненормальный с ними, – хруст, с которым Роз поглощала спелый фрукт, почему-то раздражал. – Ну, Юнас Масти, помнишь ты про него как-то спрашивала? Зря он налысо обрился, выглядит конкретно жутко, будто из психушки сбежал. Давно его в колледже не было, наверное, боится, что засмеют. Впрочем, Скуиллера Батча с его прыщавой физиономией ему точно не переплюнуть, правда, Ро?

Пожалуй, то, что Масти не ходил в колледж, и Аврора уже давно его не слышала и не видела, было чем-то действительно хорошим за все последнее время. Иногда в памяти всплывали его мутные глаза и те гнусности, что он кричал ей вслед около витрины кондитерской. Но Рори гнала их прочь, хотя понимала: она сама должна искать встречи с Масти, чтобы расспросить его. Она даже узнала, где он живет – наплела что-то секретарше Аувинен, даже шоколадку ей подарила. Дело было даже не в том, что она просто физически не могла себя заставить пойти к нему, чтобы выслушивать его тошнотворный отвратительный бред, а в том, что, скорее всего, этот бред был правдой.

Поверить в это, осознать это, принять это, было не просто страшно.

Невозможно.

– Авро-рия! Ты что, со мной не согласна? – подруга, которая с некоторых пор пребывала в хорошем настроении, выхватила свою тетрадку прямо у Рори изпод носа, ожидая, что она кинется отбирать.

– Я согласна с тем, что для Розали Карей отныне из всего рода мужского нет никого краше, чем Эдуард Гавел, – усмехнувшись, Аврора выхватила тетрадку – но больше для вида, а не потому, что переживала за наполовину перерисованную таблицу.

Простенькая уловка сработала – Роз, которая теперь находилась с Гавелом в статусе пары, принялась с упоением перечислять его выдающиеся достоинства. Но недолго – Розали Карей было не так-то легко провести.

– Все спросить хотела, – прервалась она прямо посреди рассказа о бурном вчерашнем свидании. – А чего это за дела у тебя с Пенни?

Внутри у Рори что-то дрогнуло, но она всем своим видом постаралась показать – никаких особенных дел у нее со старшей сестрой Розали, Пенелопой Карей, нет.

– Просто уличный кот, – махнула рукой Аврора. – Поселился рядом с мусорными баками, и вся улица его теперь подкармливает. Я б его себе взяла, но матушку удар хватит – ты знаешь, как она относится к животным. А потом ему ухо кто-то ободрал – я и отнесла его к ней.

Аврора никогда до этого не обманывала Роз – наоборот,веряла ей все свои тайны. Могла даже рассказать нечто совсем личное, например, про Гельмута Мадсена. И вот врала своей подруге, которую знала с детства, так вдохновенно, что раньше бы с ума сошла от стыда за эту бессовестную ложь. Сейчас не было совестно. Ни капли. Лишь только хотелось быть как можно более убедительной, чтоб Роз ничего не заподозрила. Такими вещами не делятся даже с лучшими подругами... Даже если она рискнула рассказать Розали – скорее всего, в ответ встретила только ужас и осуждение. Как бы не были они близки, то, что она натворила, слишком ужасно.

– Она ничего не взяла за осмотр и лекарства, так ведь? – лицо подружки смягчилось. – Это я не к тому, что тебе надо было заплатить, а к другому... Ума не приложу, и в кого в нашей зубастой семье Пенни такая уродилась? Помнишь, я говорила, что их директор ввел новый режим – они теперь круглосуточно работают? Так вот в ночную смену он все время ставит дежурить ее, а платит как обычно. И эта дуреха не смеет ему и слова сказать!

Рори с охотой поддержала разговор, повозмущавшись с подружкой из-за наглости директора ветклиники, который эксплуатировал Пенелопу самым что ни на есть наглым образом. Розали любила свою старшую сестру и частенько со снисходительностью говорила, что из-за наивности и мягкости характера Пенни, скорее, это Розали старшая, а не наоборот.

На самом же деле Аврора была до смерти благодарна директору. Если бы Пенелопа Карей не дежурила тогда в ветеринарке, кто знает, как все закончилось... Если честно, Аврора всегда подозревала, что Роз недооценивала Пенни.

И в ту ночь, когда умер Чад, она в этом убедилась...

– Мы с Эдом хотим свалить с БЖД и прошвырнуться по Ашборгу, – проговорила между тем Розали. – Ты с нами?

Ярмарка, которая совсем недавно открылась там, была последним, что в данный момент интересовало Рори, о чем она открыто и заявила Роз. К тому же, всем известно – третий лишний...

– А с чего ты взяла, что была третьей лишней? – мило улыбнулась Роз. – Помнишь, когда ты испытывала на прочность холодильник, там был симпатный парнишка со странной татушкой? Его зовут Лев и он на тебя запал – все расспрашивал о тебе. Понимаю, ты сейчас не особо в настроении – Чад хоть и засранец редкостный, а все-таки живая душа. Вдруг его маньяк похитил и теперь пытается где-то в лесу? Но тебе нужно отвлечься, развеяться, а то последний месяц ходишь, как в воду опущенная. Отдалилась...

Розали зазывала Аврору очень настойчиво, но, разумеется, ее усилия не увенчались успехом. Правда, и на безопасность жизнедеятельности Рори тоже не пошла. Вместо этого она спустилась по лестнице на первый этаж и, воровато оглянувшись, ступила во флигель колледжа, где раньше проводились занятия ИЗО. Преподавательница ушла в декрет, после и вовсе уволилась, а охотников на освободившееся место не нашлось: постройка пустовала вот уже два года.

Он ждал ее там, среди составленных у стен мольбертов, чьих-то пыльных рисунков, рамок, сваленных в беспорядочную кучу разнообразных поделок, среди высоких сводов и арочных окон, занавешенных кусками плотной темно-зеленой ткани.

Никто и никогда бы не сказал, что со Скуиллером Батчем что-то не так. Все в нем было, как обычно: выпавшая из прямого пробора сальная прядь волос, свисающая на правый глаз, кривая ухмылка и старомодная черная водолазка, будто бы с чужого плеча...

Правда, приглядевшись, все-таки можно было заметить нездоровую бледность его лица, на котором, кажется, побледнели даже прыщи, худобу и то, что двигался он как-то уж слишком осторожно и неловко.

Прошедший месяц дался Скуиллеру Батчу тяжелее, чем Авроре.

Ни слова не говоря, она подошла к нему и задрала водолазку. Он смотрел на нее сверху вниз, и от этого взгляда делалось не по себе, хотя, наверное, ей нужно было привыкнуть...

– Я могу сам, – проговорил он, не делая попытки остановить ее. – Я же вижу, тебе это противно...

– На спине тоже сам? – резко спросила Рори, осторожно отдирая пластырь и убирая медицинскую салфетку. – Не болтай глупостей! Пенелопа сказала, нужно промывать рану каждый день...

– Она почти зажила, если ты вдруг не заметила, – беззаботно ухмыльнулся Скуиллер. – Тебе нет никакой необходимости играть в благодарную принцессу.

Он прав – страшное мокнущее отверстие, которое брало начало в его груди, немного правее сердца, а заканчивалось в спине, чуть ниже правой лопатки, почти затянулось новой розовой кожей и выглядело сейчас и вполтину не так жутко, как месяц назад, когда она расстегнула его рубашку и взвыла от ужаса.

– Куда ты звонишь? – его голос звучал странно уверенно, а взгляд был на удивление ясным.

– Господи... черт! – Рори беспорядочно кружила по гостиной, тыкая в клавиши телефона, зажатого в трясущейся руке. – В скорую, в полицию! Ты... ты посмотри на свою рубашку – она вся в крови!

– Положи телефон. Успокойся. Иди сюда, – что-то в его голосе заставило ее повиноваться.

Скуиллер Батч сидел на полу, привалившись к дивану, и она тяжело опустилась рядом с ним, не в силах оторвать взгляд от безжизненного тела Чада, распростертого по ковру с вышитыми на нем астрами.

Повторяется. Все повторяется.

Не зря Франсоны говорили, что у нее дурная кровь.

– По-моему, пуля прошла навывлет и ничего важного не задела, – проговорил Батч. – Конечно, чувствую я себя хреново, но, в целом, ты знаешь, терпимо.

– По-твоему? – нервно вскрикнула Аврора. – Ты не врач! И, скорее всего, сейчас умираешь, просто не можешь адекватно оценить свое состояние. Боже правый, у тебя дыра в груди!

– Я в порядке! – перебил Батч и криво ухмыльнулся. – Относительно, конечно... Но, думаю, все неплохо – если бы я должен был сдохнуть, то уже, наверное, сдох.

– В отличие от Чада... – тупо добавила Рори и всхлинула. – Он мертв, неужели это правда? Неужели это сделала я?

– У Чада снесло крышу. Ты спасла себя и меня, – он ее обнял, и, даже не подумав отстраниться, Аврора уткнулась ему в грудь, ощущая тревожный запах крови и неправильность происходящего.

Дурной сон, какой-то дурной сон... Вся в своих ужасающих, рваных мыслях, Рори даже не обратила внимания, как Скуиллер Батч прижался губами к ее волосам.

– Спасибо, – прошептала она. Какая злая ирония – в объятиях Скуиллера Батча ей действительно стало спокойнее. – Теперь я, наверное, соображу, как набрать номер скорой. Тебе нужна помощь. И в полицию...

– Нет. Никуда не звони.

– Как это не звонить? Ты в своем уме? Я человека убила...

– А ты подумала, что тебе за это светит?

– Например, смертная казнь, – добавил Уилл, потому что обессиленная, испуганная, потерянная, она молчала.

– Да что ты такое говоришь? К смертной казни в Гарвен-Гроув уже не приговаривали очень давно! И вообще... – Рори схватилась за голову. – Чад хотел убить тебя и изнасиловать меня, это была самооборона...

– Думаешь, что знаешь всё о нашей полиции, да, крошка? Я расскажу тебе, как все будет, – монотонный голос Уилла был, наверное, единственным, что помогало ей держаться на плаву. – Отец Чада – помощник шерифа. Он выставит сына невинной и благородной жертвой, а тебя – злобной извращенной убийцей. Ведь ты неродная его дочка. Возможно даже, всем скажут, что это ты стреляла в меня, а не он. Найдут какой-нибудь тупой и позорный мотив, например, месть. Мол, ты в него влюбилась и хотела соблазнить, а он не ответил взаимностью... Правда, есть свидетель – это я, но, если учитывать моё ранение, я ведь и коньки отбросить могу. А такую сумасшедшую, злобную суку чего ж не посадить на электрический стул?

– То, что ты говоришь, ужасно, ужасно! – она зажмурилась, понимая, что еще немного – и сорвется в безобразную, лютую истерику.

– Знаю, – хладнокровно кивнул Батч. – Но если не веришь мне, о'кей, спроси у себя самой – возможен ли такой вариант развития событий? Хотя бы на минуту можешь допустить, что приемный отец решит отомстить тебе за убийство его родного сына?

– Да, – сказала Аврора, и самой стало дико оттого, что не раздумывала над этим ни секунды.

– Тогда у нас только один вариант, золотко, – он ухмыльнулся, и от этой ухмылки Аврора ощутила приступ дурноты. – Сказать, какой? Я знаю одно милое тихое местечко...

Он прав, прав... Для Франсонов всегда было важно, что о них подумают соседи – другие жители их небольшого городка. Как ни мерзко так думать, даже в горе они могут не изменить себе. Все складывается идеально, как пазл. Рори знала, что приемные родители рассказывают всем, как с ней тяжело и какая это нелегкая ноша – воспитывать дочку убийцы, который в белой горячке пристрелил собственную соседку. И вот теперь его дочь, которую они благодетельствовали, приняли в свою семью, пошла по его стопам... Даже если не принимать во внимание самый плохой вариант развития событий, Азриэль позаботится о том, чтобы она получила по полной.

– Если получится... – она запнулась, но затем все-таки сказала эту фразу. – Получится спрятать тело Чада, все равно все раскроется. У тебя огнестрельное ранение – как ни крути, рану должен посмотреть и обработать врач. А в больнице по-любому должны сообщать о таких случаях полицейским.

Боже правый, что происходит? Она в обнимку с Уиллом Батчем обсуждает, как лучше спрятать труп Чада... Могла ли думать она когда-нибудь, что такое произойдет не в отвратительном психоделическом кошмаре, а в реальности?

– Неделю назад нашему псу стало плохо – температура поднялась, он весь дрожал и пускал слюни – в общем, выглядел паршиво, – вдруг сказал он. – А дело было глубокой ночью. Я думал, он не доживет до утра, но мать сказала, что ветеринарной клинике теперь принимают круглосуточно. Я его отвез – оказалось, пневмония, а еще и клещ укусил. Там дежурила сестра твоей подружки – Пенелопа Карей. Она помогла, поставила капельницу и какой-то укол. И, кстати, была там совершенно одна...

– Пенни Карей – ветеринар, – Рори поняла, к чему он клонит – это было просто невысказано. – А тебе нужен хирург! Не говоря уже о том, что ей по закону нельзя лечить людей. Мы с ней не подруги, просто общались через Роз, она не пойдет на это и... Вообще! Неужели я на все это пойду?! Убийца, которая замечает следы преступления!

– Если хочешь, могу сказать полиции, что это я выстрелил в Чада, – пожал плечами Уилл, как будто говорил о чем-то незначительном. – Придумаем какую-нибудь убедительную историю...

– И тогда казнят тебя, – оборвала Аврора.

– Может, и не казнят. Может, просто пожизненное дадут, – он пожал плечами, а Рори подняла к нему голову, словно видела впервые.

Только сейчас она осознала, что сидит на полу, тесно прижавшись к его правому боку, а он обнимает ее и его кисть лежит прямо на ее талии.

Уилл Батч с его дурной репутацией отъявленного подонка, который априори не мог вызвать ничего, кроме отвращения, был так близко, склонив к ней свое побледневшее лицо. Наверное, она была немного не в себе, потому что засмотрелась в его зеленые глаза. Глаза человека, который так запросто сказал, что возьмет на себя вину за совершенное ей убийство. Он не лгал. Аврора опомнилась, только когда через пару мгновений он потянулся, чтобы поцеловать ее. Опомнившись, поднялась.

Наверное, гореть ей теперь в аду.

Тем более, тот, кто ее туда проводит, совсем близко...

– Где спрячем тело?

– Под Доргерским мостом, – ответил Батч, избегая смотреть на нее. – Возьмем тачку твоей приемной матери. Но вначале – в ветеринарку. Если Пенелопа вколет мне какое-нибудь обезболивающее, то, наверное, я смогу держаться на ногах. Потом надо будет вернуться и привести все в порядок здесь. Замыть ковер, найти гильзы, а главное, вернуть на место магнум.

– Насколько я знаю, по пистолету сразу видно, что из него кто-то стрелял.

– Перед этим его нужно почистить.

– Ты умеешь чистить оружие? Серьезно? – нервный смешок вырвался из горла прежде, чем Аврора успела его подавить.

– Если не сдохну в ближайшие несколько часов, то обязательно тебе это покажу, – пообещал он.

Обработав подживающий рубец антисептиком, Рори осторожно прикоснулась кончиками пальцев к коже, которую Пенелопа щедро залила зеленкой. Больше всего они боялись, что возникнет инфицирование и рана станет нагнаиваться, но этого не произошло. Пенни Карей действительно была врачом от бога и неважно, что лечила она животных, а не людей. Правда, сама она сказала, что дело в легкости ранения: каким-то чудом пуля прошла по касательной, не задела сердце и лёгкое, не вызвала внутреннего кровотечения, а внешнее было не таким сильным, как казалось. Несмотря на пропитанную алой жидкостью рубашку, крови он тогда потерял не так уж и много.

– Думаешь, она догадалась? – голос Уилла звучал хрипло.

Он стоял перед ней, обнаженный по пояс, и, чувствуя страшную неловкость, Аврора боялась поднять голову. Почему-то вначале, когда там была кровь и голое мясо, она как-то не

задумывалась о близости, которая возникала каждый раз, когда надо было обработать рану. Тогда она думала только о том, чтобы все как можно быстрее зажило и не возникло никаких осложнений, сейчас – о том, чтобы как можно скорее разорвать возникшую между ними связь, разрушить интимность момента. Чтобы он не смотрел на нее так и побыстрее оделся, черт побери!

– Что исчезновение Чада связано с твоим огнестрелом и нашим нежеланием обращаться в больницу? – Аврора кусочками пластыря приклеила салфетку к рубцу на его спине и отошла, стараясь скрыть облегчение. – Догадалась, само собой. Пенелопа Карей не дура, чтобы поверить в то, что я ей тогда наплела.

– Была бы умной – не стала с нами связываться и брать на себя такую ответственность, а сразу позвонила в полицию, – усмехнулся Батч, натягивая водолазку. – Хотя вообще-то ты была восхитительно убедительна. Лично мне и в голову не пришло бы сказать, что мы хотели сделать эффектные фотки с пистолетом твоего приемного отца...

– Пенни сразу поняла, что это неправда, – Аврора взяла со стола чью-то недоделанную поделку, чтобы рассмотреть ее. – Знаешь, почему она помогла? Она уверена, что бы ни произошло, я не могла сделать ничего плохого. По своей же сути я ее подставила – если все выяснится, она тоже попадет под раздачу.

Это была композиция из двух кукол – принцесса и шут. Папье-маше, из которого их делали, потрескалось и потускнело, у красавицы не хватало рук, а блеклый шут был даже не раскрашен.

– Никто ничего не узнает.

Уилл подошел к ней сзади и, положив руки чуть выше локтей, прижался к ее волосам. И, слава богу, что она его не видела.

Прикосновение было неприятно, но Аврора не сделала попытки отстраниться, потому что произошедшее установило между ними связь – какую-то неправильную, болезненную связь соучастников преступления. Но он сделал ради нее то, на что решился бы не всякий. Правда, иногда у Авроры возникали мысли, что он сделал это специально, именно ради того, чтобы объединить их одной общей тайной. Это было жутковато, но это завораживало, и она не могла так явно его оттолкнуть.

Правда, смотреть Скуиллеру Батчу в лицо она тоже не могла...

Поэтому, когда он отвел ее волосы набок и склонился к шее, у Рори тотчас вспыхнул другой образ, другое место и то, как сжалось все внутри от прикосновения другого мужчины. Она мягко выскользнула из объятия.

– Прости, мне нужно идти, – избегая смотреть на Батча, проговорила Рори.

– Не извиняйся, тебя можно понять, – он криво ухмыльнулся своему смутному отражению в треснувшем стекле допотопного шкафа, забитого восковыми муляжами фруктов.

Но Рори его не услышала, как и не увидела этой горькой некрасивой усмешки – она уже вышла.

Рыжеволосый ангел с нежным упрямым лицом и медовым голосом, который напрочь лишает рассудка, как будто кто-то наделил его неведомой силой. Поначалу он увидел не эти идеальные локоны цвета шоколадно-вишневой пасты, не эти волшебные глаза, не тонкие кисти рук, к которым хотелось прижиматься губами, а мягкие округлости фигуры, соблазнительную грудь и бедра, плавную походку, на которую можно было только облизываться, представляя, как она подходит к нему голая. Поначалу он просто захотел ее, наслаждаясь заманчивой картинкой и даже особо не прислушиваясь к тому, что она болтает.

Аврора Франсон, младшая сестричка Чада, которую тот иначе как «высокомерная рыжая сучка» не называл. Он говорил про нее очень много. Про «классные сиськи» и «аппетитную задницу», на которые все мечтал полюбоваться, когда она принимает душ. Уиллу же Рори

Франсон казалась существом с другой планеты – ее не интересовало ничего, кроме музыки, и это было непонятно и далеко.

Но именно благодаря Чаду он разглядел ее. Разглядел – и пропал.

– Есть мечты, которым никогда не суждено сбыться в реальности.

Уилл с удивлением обернулся на звук голоса. Около шкафа, небрежно привалившись к его стенке, стоял мужчина в черном пальто. С виду совершенно обычный, хотя, если приглядеться, пожалуй, и нет. Было в нем что-то... такое. Но не на поверхности. Что-то неявное, таящееся очень-очень глубоко. Что-то, что заставляло подобраться, насторожиться, почувствовать себя не в своей тарелке.

– Кто ты такой?

У мужчины действительно не было никакой возможности незаметно войти и оказаться у него за спиной. Мало того, он крутил в руках восковое яблоко из шкафа – запертые створки оказались распахнутыми настежь.

– Я просто волею случая услышал часть вашего разговора. По правде говоря, большую его часть и... – проговорил мужчина и поспешно добавил, – Нет-нет, можешь не беспокоиться, я не выдам вас полиции. Я вообще считаю, статья о превышении допустимой самообороны ни к черту не сдалась в нашем уголовном кодексе. Как, в принципе, и сам кодекс, согласен?

Чем дольше мужчина говорил, говорил мягким голосом вполне обыкновенные вещи, тем больше Уиллу Батчу становилось не по себе. В аудитории словно повеяло холодом. А мужчина как ни в чем не бывало потер восковой фрукт о рукав своего черного пальто и откусил, но от самого настоящего наливного яблока, которым стал муляж в его руках.

– Ни о чем, – поморщился он и отбросил яблоко, которое, коснувшись пола, прямо на глазах Скуиллера распалось клубком отвратительного вида червей и сороконожек, шустро разползшихся по щелям. – Желать женщину. Видеть, что твои прикосновения не вызывают в ней ничего, кроме отвращения... Ужасно, должно быть.

В последней фразе ни капли сочувствия – лишь только равнодушие.

– Что может быть хуже? – задумчиво проговорил мужчина и продолжил с откровенной издевкой. – Пожалуй, лишь то, что мать всем сердцем ненавидит старшего сына, потому что он так сильно похож на своего поддонка-отца. И следы этой тотальной нелюбви налицо, не правда ли? Что ты только не пытался сделать с этими ненавистными прыщами – лечебные мази, витамины... Как же это жалко и бесполезно, бессмысленно... Хочешь, я дам тебе то, что точно поможет?

Инстинкт самосохранения подсказывал, этот мужчина – не тот, на кого можно повышать голос даже в мыслях, но он надавил на самое больное, и Скуиллер не выдержал.

– Кто ты, черт бы тебя побрал?

Вместо того, чтобы припереть наглеца в черном пальто к стенке, Скуиллер оказался размазан по ней сам – взят мужчиной за горло и без каких либо усилий поднят на вытянутой руке.

– Тебе не надо видеть во мне врага. Наоборот, я добрый волшебник, – темно-синие глаза незнакомца завораживали и пугали, он сжал горло Уилла слишком сильно, но затем сразу отпустил. – Что-то вроде Санта Клауса. И сегодня я раздаю по-настоящему ценные подарки.

Она шагнула к Скуиллеру прямо из воздуха – именно такая, о какой он мечтал, от кончиков своих темно-рыжих локонов и узора кружева на полосках чулок до сливочно-черничного запаха, который окутал его, как облако. Шагнула, чтобы взахлеб целовать его в губы, торопливо расстегивая пуговицы его рубашки и ненавязчиво спускаясь ниже, к ремню брю...

Что?

С трудом оторвавшись от Авроры, он увидел поверх ее рыжеволосой макушки свое отражение в стекле серванта и не поверил глазам. И даже не одежда была тому причиной, хотя белоснежная рубашка и узкие черные брюки, в которые он волшебным образом оказался обла-

чен, мало напоминали водолазку и штаны, которые отдала им старая миссис Дёрк, потому что ее муж скончался, и она раздавала его вещи по соседям.

Гардероб Скуиллера Батча был в принципе составлен из таких вещей – кем-то отданных или приобретенных в секунду хенде за сушие копейки. На сэкономленные деньги мать могла покупать что-то новое, неносеное и даже модное сестрам. Он привык и уже забыл даже, когда надевал на себя вот такие стильные, современные вещи. Наверное, никогда, потому что Скуиллер Батч, оказывается, понятия не имел, насколько по-иному себя в них чувствуешь. Как приятно льнет к телу дорогая ткань и как чудесно в кожаной колодке брендовых мужских туфель, а не в башмаках модели «прощай, молодость!» – подарке все той же вдовы Дёрк.

Но дело было все-таки не в этом, эти мысли вихрем пронесли у него в голове, и среди них четко выделилась одна – ненавистные прыщи исчезли, а волосы лежат совсем по-другому, и теперь он в отражении на запыленном стекле старого шкафа ничуть не уступает лощеному хлыщу Питеру Фальку.

Дело было в ней. В полуобнаженной Авроре Франсон, которая льнула к нему, как кошка. Терлась теплыми полушариями груди, водила своими чудными тонкими пальчиками по его коже, целовала его шею и ниже. Дело было в ее одуряющее пахнущих карамельных локонах, в ее нежных полураскрытых губах и серых глазах, в которых было только одно – желание отдаться ему.

– Ну как, нравится? – поинтересовался мужчина, даже не взглянув на Скуиллера. Привалившись к шкафу, он скучающим видом разглядывал свои ногти.

– Она ненастоящая, – покачал головой Батч, не отрывая зачарованного взгляда от Рори, которая изящно расстегивала застежку на черном кружевном бюстгальтере.

– О, неужели ты не понял? – незнакомец поднял голову, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на интерес. – Важно не то, с кем ты проводишь свое время. Важно то, как ты его проводишь.

Аврора освободилась от белья и, оставшись в одних чулках, положила его руки на полушария своих налитых груди с розовато-коричневыми сосками.

– Что ты хочешь взамен? – сквозь зубы поцедил Скуиллер Батч, не в силах оторваться от обнаженной девушки, такой мягкой, податливой и на все готовой в его руках. – Где мне нужно расписаться кровью?

– Ой, ну что за пережитки прошлого? – мужчина в черном вроде бы даже обиделся. – Мне достаточно просто твоего слова. А взамен нужен сущий пустяк, мелочь, которая не будет стоить тебе практически никаких усилий.

– Как бы не была хороша подделка, – Скуиллер на мгновение прикрыл глаза и крепко прижал к себе льнущую девушку, вдохнув запах ее волос. – Она не заменит оригинала. Пожалуй, я откажусь от этого заманчивого предложения.

Он отступил, и в то же мгновение обнаженная Аврора исчезла, сгинула, словно дым.

– Интересный ты парень, Скуиллер Батч. Вот уж не думал, что с тобой будут какие-то проблемы, – задумчиво проговорил незнакомец. – Но что-то мне подсказывает, свое решение ты еще изменишь. В конце концов, есть в мире вещи более ценные и приятные, чем секс. Как надумаешь, дай знать.

В лучших традициях жанра мужчина в черном не исчез – просто вышел из старой аудитории, как самый обычный человек. Но обычным он не был, оставив после себя в помещении холод и четкую, почти физически ощутимую ауру своего присутствия.

А Скуиллер Батч, почувствовав что-то в кармане брюк, машинально вытащил этот маленький предмет и не поверил своим глазам. Это была отливающая платиновым блеском банковская карта с его инициалами на обороте.

– В жизни не пробовал ничего вкуснее, чем ваш клэм-чаудер, дорогая фру Франсон! Какое-то необычное молоко в составе, если я не ошибаюсь?

– Это козье молоко и я добавляю в него немного тертого сыру. Ах, вы верно шутите, мистер Брэдшо! – польщено зарделась приемная мать. – Мы, люди из глубинки, слишком доверчивы и простодушны и все принимаем за чистую монету.

Вот с этим бы Аврора поспорила, но место и время, разумеется, были не те. Сегодня вечерний ужин проходил в особенно торжественной атмосфере – в Гарвен-Гроув только что прибыл новый шериф, и Франсоны не преминули позвать его к себе в гости, дабы установить с новым начальником Азриэля теплые дружеские отношения.

– Признаться, я не ожидал в Гарвен-Гроув такого теплого приема, – широко улыбаясь, проговорил новоиспеченный шериф. – К чужакам обычно относятся настороженно... Ну, вы знаете...

– Смею уверить вас, мистер Брэдшо, люди здесь просто замечательные, их гостеприимству и радушию можно только позавидовать, – тут же вставил Гэбриел Франсон, которого Бригита тоже пригласила на ужин.

Он сидел рядом с Авророй, обаятельно улыбаясь и поддерживая дружеский разговор, но она боялась не то, что смотреть в его сторону, а даже дышать рядом с ним. Впрочем, он на нее никакого внимания не обращал, будучи в этот вечер прямо-таки душой компании.

Рори бы ушла, сказавшись, что плохо себя чувствует, но это был новый шериф. С виду добродушный увалень, простодушно нахваливающий стряпню приемной матери, но вдруг это всего лишь маска, которая скрывает ясный холодный ум, подмечающий все детали? Никола Брэдшо в самом начале ужина сказал, что знает о пропаже сына Франсонов и сделает все возможное, дабы его отыскать. Так что никаких подозрений у него возникнуть не должно.

Увалень – увальнем, но когда Брэдшо стал расспрашивать приемного отца про то, как давно и за что в городе выносили смертный приговор и как вообще обстоит законодательство города в этом плане, Аврора подавилась куском моллюска из супа, который резиновым комком застрял где-то в горле.

Она помнила, кому хотели вынести смертный приговор. Помнила слишком хорошо.

Взгляд Гэбриела – и моллюск оказался проглочен так мягко, что Рори, серьезно вознамерившаяся задыхаться, хрипеть и в панике махать руками, опустила голову, вдохнув спокойно и легко. Брэдшо и Франсоны, занятые очень милым разговором об электрическом стуле, даже не обратили внимания.

А дальше произошло то, чего она не ожидала, и что шокировало Аврору до глубины души. Будто бы в успокаивающем и поддерживающем жесте Гэбриел прикоснулся к ее колену под столом. Прикоснулся – и руки не убрал, отчего у нее перед глазами поплыли аляпистые круги.

Будь она в джинсах, это полбеды. Но на Рори было достаточно короткое синее платье, поэтому, когда его ладонь поползла вверх, миллиметр за миллиметром задирая тонкую шелковистую ткань, ее бедра медленно стали оголяться.

Приемные родители и новый шериф, абсолютно не подозревая о том, что происходит с противоположной стороны стола, продолжали свой разговор, но их голоса доносились глухо, как из-за стенки. Брэдшо, кажется, доказывал, что нужно ужесточить наказание, Азриэль согласно кивал, вторила им и Бригита, но сейчас это было абсолютно неважно.

Важна была лишь тяжелая мужская рука, с запястья которой скалился механический череп, на внутренней поверхности ее бедра. Лишь чуткие красиво вылепленные пальцы, блаженно ласкающие тонкую горячую кожу.

Он не смотрел на нее, просто слегка улыбался, вроде бы внимательно слушая Брэдшо и Франсонов, в то время, как Аврора из последних сил старалась сохранить обычное выражение лица. От извращенности, ненормальности ситуации, от того, что все это происходит практиче-

ски на виду у посторонних людей, по щекам разлился румянец, а внизу живота что-то мучительно напряглось.

Неправильно, ужасно, чудовищно, но так... сладко и так влажно там, в месте, прикрытом лишь полупрозрачной влажной полоской ткани. Там – в напряженно пульсирующем лоне, жаждущем его умелых прохладных пальцев.

Не отдавая отчета в своих действиях, Аврора чуть раздвинула бедра, и платье окончательно задралось, обнажив кремово-белые трусики. Рука Гэбриела Франсона медленно, одуряюще медленно скользит вверх – он прикасается не к лону, а к мокрому кружеву белья, к насквозь пропитавшейся ее соками декоративной текстуре, повторяя подушечками пальцев орнамент, а затем чуть-чуть оттягивает ее, так, что кружевной элемент мягко впивается в мякоть.

Аврора до боли закусывает губу, чтобы сдержать стон и, наконец, ловит его взгляд и усмешку, притаившуюся в самом уголке чувственного рта. В его взгляде мрамор, обсидиан и хрустящие ослепительно-белые простыни, на которых он ее трахает под божественные звуки прелюдии соль-минор Рахманинова.

Она сошла с ума! Как позволила такое?!

Вся пунцовая от ужаса, мешающегося с диким возбуждением, Аврора резко поднялась, уже совершенно не думая о том, что ее поведение может показаться новому шерифу подозрительным и странным.

– Детка, милая, что с тобой? – захлопала ресницами Бригита, привлекая к Авроре всеобщее внимание, а она не могла вымолвить и слова, мучительно пытаясь придумать какую-нибудь фразу в ответ.

– Бриг, дорогая, спасибо за чудесный ужин – ты, как всегда, на высоте, – рядом с Рори словно по мановению волшебной палочки поднялся Гэбриел, перетягивая все внимание на себя. – Но сегодня я вынужден уйти пораньше – дела... Так жаль пропускать десерт, но мое присутствие на видеоконференции с акционерами «Интерлайн Продакшен», увы, обязательно. Думаю, сегодня ты превзошла саму себя. Нет-нет, не вставай – меня проводит Рори. Мистер Брадшо – приятно было с вами познакомиться – уверен, вы будете достойным шерифом. Ваши идеи про более частую практику смертных приговоров... весьма заняты.

С этими словами он небрежно бросил салфетку на свой стул и, обаятельно улыбнувшись присутствующим, вышел. Авроре ничего не оставалось, как пойти вслед за ним.

Глава 3. Ашборг

13 лет наза

– Ну, что, мальшика? Похоже, дела твоего отца плохи...

Помощник шерифа Абнора, господин Азриэль Франсон, присел перед десятилетней Авророй Йорк. Собственное растерянное отражение смотрело на нее из темных стекол его очковых авиаторов. Помощник шерифа приехал к ней социальный центр, куда Рори отправили сразу же после заключения ее отца под арест. Ей уже объяснили, что после суда и вынесения приговора она сразу же отправится в сиротский приют.

– Его посадят в тюрьму... надолго? – Рори старалась казаться серьезной и взрослой. – Навсегда?

– Боюсь, не совсем, – Азриэль перекачивал во рту жвачку и, казалось, разглядывал ее из-за своих очков как-то уж слишком пристально. – Было уже четыре судебных слушания, и на следующей неделе состоится последнее. Принимая во внимание характер твоего отца, его постоянные выходки, а так же то, что это не первый случай, когда Уолли берет за ружье, присяжные настаивают на высшей мере наказания. Уж слишком жестоко он прикончил бедную старушку Кендрезе – пристрелил, как бешеную собаку.

– Она не была беззащитной... – возразила Аврора и перед ее глазами, как наяву, замаячили аспидно-черные тени. С самого первого дня в социальном центре, девочка не выключала на ночь свет. Благо, добрая миссис Хантер, что тут работала, ей это позволяла. Но что, если в приюте будет по-другому? Что, если тени придут за ней? – Отец спас меня.

– Ну, ты же понимаешь, крошка, все эти его невнятные рассказы, что она ведьма, которая, напустив черного тумана, хотела тебя сожрать, только усугубляют его положение, – проговорил помощник шерифа, и Аврора вдруг подумала, что в этих очках он похож на большую осу. – Кендрезе, конечно, была не без странностей, но такой участи точно не заслужила.

– Мой отец невиновен, – тихо, но упрямо сказала Рори, отвернувшись к окну.

– Присяжные думают по-другому, – отозвался Франсон. – Ну, знаешь, эти старухи, которые до смерти боятся, что, отсидев, Уолли выйдет и пристрелит и их. Они даже не понимают, что вряд ли доживут до конца его срока, даже, если дать ему за это убийство по минимуму. Забавно, как единодушно эти старые перечницы возжелали крови Уолли Йорка за смерть подружки, словно не шипели, как змеи, обсуждая странности Кендрезе.

– Отец не виноват! – Аврора изо всех сил пыталась сохранить перед ним, этим чужим циничным человеком вид, чтобы он не видел в ней маленькую, запуганную, убитую горем девочку, но ее лицо искривилось, а губы предательски задрожали. – Пожалуйста, не допустите, чтобы они его приговорили!

– Дай-ка подумать, – протянул помощник шерифа. – Пожалуй, я могу кое-что сделать для Уолли. Например, его могут признать невменяемым и вместо электрического стула отправят в закрытую психиатрическую лечебницу св. Трифона, где содержатся преступники.

– Так сделайте! – она не выдержала и сорвалась на крик. – Сделайте это, прошу вас, господин Франсон! Спасите моего папу!

– Говорят, ты очень талантливая девочка, – помедлив, вдруг задумчиво сказал помощник шерифа. – Получила гран-при на Фестивале молодых талантов в Предьяле, но вручение награды пропустила...

– Отец не смог меня отвезти, – Рори опустила взгляд.

– Потому что ушел в очередной запой, – безжалостно закончил Франсон. – Учительница по музыке тебя очень хвалит. Говорит, уже сейчас, в десять, у тебя красивое, чистое сопрано. С возрастом, если продолжишь заниматься вокалом, голос будет только крепнуть и развиваться... Знаешь что, мальшика? Вне зависимости от дальнейшей судьбы Уолли, у тебя

дорога одна – в сиротский приют мадам Маркин. Но что, если тебя бы удочерила хорошая, крепкая, верная семья, которая заботилась о тебе, любила, кормила, одевала, обувала? У тебя будут папа, мама и старший брат. Мы оба понимаем, что Уолли был не самым примерным отцом. Ты же в ответ станешь примерной, послушной, хорошей, любящей дочкой и... сможешь заниматься музыкой, сколько душе угодно. Может быть, даже выступить. Поначалу где-нибудь в ресторане, наберешься опыта, а потом, кто знает, кто знает... Станешь звездой мирового масштаба – но Авророй Франсон, а не Авророй Йорк, да, девочка? И никогда не забудешь, кто из маленькой замарашки, дочки преступника-алкоголика вывел тебя в люди, не так ли?

– Так, господин Франсон, – шепотом сказала Рори. – Так.

Она шла за Гэбриелом безропотно, как овца на заклятие и сама ненавидела себя за это. После того, как он ее трогал и как на нее смотрел, ей оставалось только плюнуть ему в лицо и, быть может, у нее все-таки еще хватит духу это сделать.

Около ажурной калитки, кованные бутоны роз которой напоминали вытянутые головки змей, темнота подступила со всех сторон, разбавляемая лишь яркими квадратами окон гостиной, где ее приемные родители и новый шериф сейчас вели свой интересный разговор. Темнота была извечным врагом Рори, но она смутно понимала, что сейчас, рядом с этим человеком... или существом... или кем там он по-настоящему был, ей нечего бояться ночи.

– Занятный тип этот Брэдшо, – проговорил Гэбриел, закуривая черную сигарету с золотым фильтром. – Дай ему волю – вешал бы всякого осужденного на каждом городском столбе, при этом искренне веря в то, что делает правое дело. Все-таки нет ничего страшнее фанатиков с добрыми намерениями.

– Быть может, исчадь ада со злыми? – негромко отозвалась Рори и тут же пожалела о сказанном.

– Кто сказал тебе, что мои намерения злы? – в его голосе вроде бы искреннее удивление, но это насмешка, которую он даже не пытается скрыть.

– Как же то, о чем говорят Дети Надежды? О чем написано в Библии? Как быть с концом света? – она не могла поверить, что действительно говорит ему все это, испытывая смутное ощущение, что стоит на самой высокой и самой узкой перекладине электрической вышки на уровне ста двадцати метров над землей.

– Я тебя умоляю, Рори, – Гэбриел Франсон глубоко затянулся, выдохнув дым в холодное ночное небо. – Библия – всего лишь раздутый пресс-релиз, который, если честно, я бы даже не назвал особо удачным. Изнасилования, каннибализм, инцест... Нормально, по-твоему? Но личный бренд сейчас решает все, а он действительно вложил в его развитие. Если все пошло удачно – на то его воля. Если нет – пути его неисповедимы. Люди ищут в Библии откровение. Что они находят? Может произойти что угодно. Это не конец света, Аврора, это всего лишь смена правления, которая, между нами говоря, назрела уже давно.

– Не знаю, какую роль вы в этом уготовили мне, – внутри нее все гудело, точно напитанное мощнейшим электричеством. – Но я бы не хотела участвовать... если вы не против, конечно.

– Я же просил оставить это дурацкое «вы», – сокрушенно покачал головой он и цокнул языком. – Раздражаешь меня... А когда я бываю раздражен, я... становлюсь неприятен.

Переход от доброго дядюшки к кому-то совершенно незнакомому, жутковатому и озверело-прекрасному был слишком резок. Аврора и пикнуть не успела, как оказалась притиснута к калитке, задравши локоть и впившись в витой кованый элемент, словно желая найти в нем спасение.

– Ты догадываешься, – этот голос звучит около самого уха и Рори с ужасом чувствует, что от одного его звука тело становится безвольным, как бланманже, а в сознании вспыхивает калейдоскоп непозволительно развратных картин.

– Вряд ли есть та, что сможет устоять перед самим дьяволом, – сквозь силу прошептала Аврора, пытаясь дышать через раз, чтобы не обонять его запах – древесный, землянистый, янтарный, ромовый – он сводил с ума. – Нечестная игра, но кого это удивит?

– Ты можешь, мицара. Можешь, но не хочешь.

Он лжет. Рори прикрывает глаза, до боли вцепившись в холодный металл решетки за спиной, как будто это как-то может помочь и изо всех сил пытается заставить себя опомниться, прекратить этот психоз. Но все, о чем она может думать – если сейчас он ее не поцелует, она умрет, у нее просто-напросто разорвется сердце.

Гэбриел Франсон знает об этом – и он медлит.

– Кто такая мицара? – этот вопрос, это странное, смутно знакомое слово где-то на периферии сознания, но оно помогает сохранить каплю разума.

А если Бригита или Азриэль обратят внимание, что ее долго нет, и выйдут во двор? Плевать!

– Немного больше, чем обычный человек, – его вкрадчивый, медовый голос звучит сначала справа, а затем слева. Прижимаясь подбородком к ее виску, Гэбриел захватывает и приподнимает ее волосы у самого основания, бережно скручивая их в жгут. – Потомок одной из упавших на землю звезд... Они ведь падали тогда, в самом начале, сразу после сотворения времен. Правда, выжить удавалось немногим... На земле нашелся кое-кто, кто счел их сияние очень даже аппетитным. Сияние, эфир... Назвать можно как угодно, но суть одна. Это нечто чудесное, а за чудесным всегда найдутся охотники.

Наверно, это важно, потому что он говорит о ней, правда, какой-то бред, больше похожий на легенду, сказку, выдумку. Но не важнее, чем его подавляющая близость, порождающая мучительное вожделение, от которого бешено колотится сердце, а пересохшие губы приоткрываются сами собой. Рори встряхивает головой, и волосы падают на плечи, а он с усмешкой наклоняется ниже и... медлит.

– Боюсь, доблестный шериф, который будет рыть носом землю в поисках Чада – не единственная твоя проблема, моя милая маленькая Рори, – осторожно взяв ее за подбородок, Гэбриел прикасается подушечкой большого пальца к ее нижней губе. – Может быть, настала пора принять покровительство того, кто сможет тебя защитить? Или будешь строить из себя смелую и решительную героиню? Ты сама жаждешь этого – совершенно осознано, в трезвом рассудке и свободной воле.

– Уходи... – неизвестно, откуда у Авроры взялись силы выдохнуть это короткое и простое слово, когда все ее существо лихорадочно молило об обратном. – Уйди, сгинь, убирайся прочь!

– Мягкая, душистая, трепетная, карамельно-сливочная девочка... Прости, но нет.

Ее старания оказались смешными и совершенно бесполезными, потому что он ее поцеловал, но в этом поцелуе не было и капли той бережности и нежности, которую Гэбриел Франсон проявлял к Рори до этого. Он просто взял ее, плавно, но властно откинув голову девушки за волосы назад так, что Аврора оказалась в неестественной позе с высоко задранной подбородком и ртом, который он терзал прохладными, твердыми, чувственными губами. Их многогранный вкус раскрылся на устах Рори густой горько-сладкой черной патокой, золотистым ямайским ромом, крепостью табака и медовым сладострастием, которое пронзило до кончиков пальцев, ощущающих гладкую текстуру его черной рубашки.

Задыхаясь от грубого напора, Аврора почувствовала, как Гэбриел приспустил рукав ее платья вместе с бретелью лифчика и накрыл ладонью обнажившуюся грудь, едва ощутимо сжав указательным и средним пальцами болезненно откликнувшийся сосок.

Это было жутко, потому что она теряла себя, тонула в пьянящем дурмане подаренных им ощущений, и не было никакой надежды обрести ясный рассудок и отстраниться. Мягкая хватка Гэбриела оказалась поистине нечеловеческой, железной.

Это было преступно втрое, потому что он был вдвое старше ее, был пусть и не родным, но дядей, был, в конце концов, дьяволом.

Но это было блаженно, так нестерпимо блаженно, что помешательство подступало неотвратимо и ярко, потому что Аврора одновременно жаждала, чтобы он не прекращал целовать ее и чтобы этот мучительный поцелуй прервался... Чтобы он, убрав от нее руки, перестал так бесстыдно лапать ее грудь, и чтобы его ладонь скользнула ниже, между ее нервически стиснутых бедер, расслабляя и даря постыдное наслаждение. Чтобы сгинул, растворился, исчез из ее жизни навсегда и чтобы прямо сейчас перенёс в свой розово-серый номер, на низкую кровать, на кремовые простыни, которые очень быстро станут влажными.

Гэбриел Франсон остановился, когда она была уже близка к обмороку. Неспешно оторвавшись от ее измученных полураспахнутых губ и не отводя взгляда, аккуратно вернул на место бретельку бюстгалтера.

Краем взгляда Рори зацепила дернувшуюся в окне занавеску, а, может, ей просто показалось. Пожалуй, взлети сейчас дом Франсонов в небо на тысяче светящихся воздушных шариков, она не смогла воспринимать что-либо или кого-либо, кроме мужчины, который смотрел сверху вниз на ее запрокинутое к нему лицо.

– Одно твоё слово. И я продолжу.

– Я думала, такие, как ты, не спрашивают, – выдохнула Рори, боясь не то, что изменить неудобное положение, в котором у нее затекла спина, а даже просто шелохнуться.

– Грубая сила – удел плебеев, а настоящее развращение – лезвие тонкое, – отозвался Гэбриел, склонившись к ее шее, но не прикасаясь губами, так, что она чувствовала его дыхание там, где пульсировала сонная артерия. – Настолько тонкое, чтобы ты даже не почувствовала, как оно в тебя вошло.

– У лезвия есть и обратная сторона, – с трудом, но ей удалось принять нормальное положение и отступить от него. – И тот, кто его держит, может пораниться сам.

– Самая глупая угроза из всех, которые я слышал. Но довольно изящная, нужно это признать, – улыбнулся Гэбриел, не предпринимая попытки приблизиться, как будто не держал ее сейчас стальной хваткой, давая прочувствовать свою остервенелую силу. – Думаешь, я бы мог причинить тебе боль, унижить? Я здесь, чтобы любить тебя. И мог бы делать это прямо сейчас. Но, пожалуй, пока достаточно, что этой ночью ты будешь кусать локти, что сказала мне «Нет».

Гэбриел Франсон легко, по-отечески поцеловал ее в лоб и, заботливо шепнув «Добрых снов», как ни в чем не бывало, ушел, оставив Аврору одну. Его присутствие было настолько магнетическим и ярким, что с его уходом мир окрасился в тусклые и пугающие тона, и Рори с трудом, на ватных ногах добралась до крыльца, а затем, воровато оглянувшись на гостиную, из которой доносились голоса, до своей спальни.

Пусть возникнут подозрения, пусть Бригита Франсон, кажется, все увидела, сейчас она просто не сможет делать вид, что с ней все в порядке.

Потому что он был прав. Потому что между бедер было мокро, а в голове плыл алый туман, в котором были его умелые руки и четкие губы на ее теле и умный темно-синий взгляд из-под тяжелых век. В этом тумане он был над ней и в ней, она, умирая от страха и восторга, целовала его и сама. Но все это был лишь туман и он не приносил ничего, кроме мучительно-болезненного напряжения внизу живота, и чтобы оно ушло, нужно было лишь только одно.

Нужно до умопомрачения, до безумия, до дрожи.

Он сказал – Аврора могла ему сопротивляться. Он ошибся – это было не так.

На следующее утро за завтраком Франсоны вели себя, как ни в чем не бывало, из чего Аврора с огромным облегчением сделала вывод: движение в окне ей показалось. Они с таким увлечением обсуждали нового начальника Азриэля, и Рори совсем успокоилась. Бригита все пела, мол, ему надо поддерживать шерифа, в том числе и по поводу смертной казни, а тот заявил, что и не думал ему возражать и вообще, если Брадшо с его умом и опытом не сможет найти Чада, не сможет никто.

День прошел спокойно, за исключением репетиции: Аврора с трудом смогла вытянуть свою партию. Просто не чувствовала в себе настроя петь – и все, чем необыкновенно порадовала Криту Аувинен. Мюзикл «Дракула» был поставлен и практически отрепетирован, премьеры постановки была назначена через две недели. Оставались кое-какие мелочи, вроде недоделок в декорациях и реквизита, но это действительно были мелочи по сравнению с тем, что никто, кроме Рори, не знал – директор колледжа Эльса Аувинен хочет получить в спонсоры колледжа самого дьявола...

Вечером Бригита попросила Аврору помочь на кухне с приготовлением ужина. Особой необходимости в этом не было – Франсон могла справиться и сама, но это так же стало частой практикой приемной матери после исчезновения сына: как можно больше проводить времени с Авророй, делая вид, что они любящие мать и дочка.

– Удивительно, но я тебя недоценила, – не глядя на девушку, проговорила приемная мать, перекручивая мясо для рунзы – хлебных кармашков с фаршем – любимого блюда Чада Франсона. – Оказывается, ты, милочка, та еще штучка. Воистину недаром говорят – в тихом омуте черти водятся!

– Что? – похолодев, Рори чуть не выронила свежее испеченную булочку, из которой в этот момент с помощью ножа извлекала мякиш.

Они знают о Чаде!

– Мадсен был слишком мелкой сошкой. Оказывается, ты ждала рыбу покрупнее, и не прогадала! Что там какой-то префект провинциального городка, если на тебя клюнул один из самых богатых людей в стране! Аз все думал, как же найти к Гэбу подход. Признаюсь честно, я говорила ему, что это невозможно – насмешливая, хладнокровная скотина – вот, кто его братец! Никогда бы не подумала, что у него окажется настолько извращенная слабость – молодая племянница! Впрочем, его можно понять – ты же у нас самый сок! Как давно вы стали любовниками?

Аврора покачала головой, пытаясь собраться с мыслями. Самая страшная тайна осталась тайной, но колыхание занавески ей не померещилась – Бригита действительно увидела вчерашний поцелуй. Рори ждала от приемной матери чего угодно – осуждения, упреков, даже отвращения, но уж точно не восхищения и... зависти, явственно прозвучавшей в голосе.

– Он не мой любовник, – спокойно, практически безразлично проговорила Рори. – То, чему вы вчера так удачно оказались свидетельницей, было ошибкой и больше не повторится.

– Глупышка, – усмешка приемной матери показалась какой-то темной. – Даже если у вас до сих пор не было, рано или поздно это произойдет. И я бы на твоём месте визжала от восторга, как сучка, что такой мужчина выбрал меня. В числе многочисленных фирм, которые ему принадлежат, продюсерская компания «Интерлайн Продакшен». Аз уже выяснил, что это за центр такой – все звезды, лица которых мелькают по ТВ, вышли оттуда! Мэтью Пауэрс, Шена, Берталан Лон... Их раскрутка – дело «Интерлайн», которая принадлежит твоему дядюшке с потрохами! С твоим-то талантом Гэб сделает из тебя звезду мирового масштаба, ты это понимаешь, крошка? Понимаешь, какой блестящий тебе выпадает шанс?

Наверное, это не должно было быть для Рори новостью – у приемной матери в крови было получение выгоды буквально изо всего, что могло ее принести, пусть даже самую крохотную. И все же цинизм, с которым рассуждала Бригита, в очередной раз поверг Аврору в ступор.

– Став богатой и известной, ты, разумеется, не забудешь о своей любимой семье, не правда ли? – Франсон несло все дальше. – Господи, да уже сейчас он может отстегнуть столько, что хватит на покрытие наших долгов! Можно было бы купить новую машину Чаду! Представляешь, какой будет для него подарок, когда он вернется? Наш мальчик всегда мечтал о чудесном красном Форде Мустанге! Ты могла бы...

– Нет, не могла! – голос Авроры зазвенел на высоких нотах и, не удержавшись, она со злостью швырнула нож, который был у нее в руках, на стол. – Вы даже отдаленно представить себе не можете, кто такой Гэбриел Франсон!

– Ну и кто же? – приемная мать выбила сигарету из своей пачки и закурила, хотя раньше никогда не делала этого дома. – Маньяк? Людоед? Дьявол? А, может, первый мужчина, которому ты по-настоящему захотела отдать свою невинность? Так не стесняйся этого, девочка. Лучшей кандидатуры, по-моему, не сыскать!

Рори закусила губу, потому что правда, которую Бригита так запросто угадала, готова была сорваться с ее уст безобразным криком. Приемная мать – не тот человек, на поддержку которого приходится рассчитывать. Как бы Рори сейчас не хотелось, чтобы кто-то выслушал хотя бы малую долю того, что творится у нее на душе, раскрываться перед Бригитой Франсон нельзя.

Не хочется даже думать, что приемная мать скажет в ответ на Аврорину: «Да, он самый настоящий дьявол, который, кажется, хочет сделать меня своей невестой».

Но что, если в их городе все-таки есть та... или те, кто сможет помочь?

Фру Эк жила на окраине в маленьком белом домике под синей крышей, который выглядел славно, точно с открытки. Правда, таким гостеприимным он Рори показался несколько преждевременно: за забором залаяла собака, причем, судя по голосу, не самых маленьких размеров.

– Фру Эк, это Аврора Франсон! – крикнула Рори, едва слышав за дверью шаги. – Можно мне с вами поговорить?

– Рори? – переспросила женщина. – Да, конечно, сейчас открою! Ромул, да тихо ты! Свои!

Послышались звуки отпираемого засова и Аврора с удивлением узрела школьного психолога с устрашающих размеров ротвейлером на поводке. Псина заливалась дичайшим лаем.

– Ромул! Ромул! Да что с тобой такое, дурачок? Прости Аврора, он обычно ласковый, как котенок, и что на него нашло? Заведу его в вольер, а ты пока проходи в дом.

Уж кем-кем, а назвать это рычащее, лающее и захлебывающееся капающей из огромной пасти слюной страшилище котёнком язык точно бы не повернулся. Кто бы мог подумать, что у фру Эк такой питомец!

Постеснявшись заходить в чужой дом, Аврора подождала женщину на крыльце. Фру Эк, как и всегда, зашла издалека. Даже очень издалека. Сначала она провела Рори по саду и дому. Внутри жилище оказалось таким же уютным и выполненным в той же бело-синей гамме, что и снаружи. И только показав все свои владения, усадила на маленькой кухоньке пить чай, разложив на белой скатерти разные виды пирожных из местной пекарни. Фру Эк определенно любила сладкое и хотела буквально напичкать им и Аврору. Помня манеру психолога, что она никогда не заговорит о причине визита Рори сама, девушка, собравшись с духом, начала:

– Возможно, вы удивитесь моему вопросу, но я хотела узнать поподробнее о собрании, в которое вы ходите, фру Эк. Вы ведь еще посещаете церковь Детей Надежды, да?

– Если б с неба упал метеорит, я, наверное, удивилась меньше, чем такому вопросу, Аврора! – вскинулась психолог. – Тем более учитывая настроения, которые царят в Гарвен-Гроув последнее время. Вчера Мэт и другие братья устраивали акцию – вышли на перекресток с плакатами, но их закидали камнями. О, как упрямы в своей неверии люди! Как жестоки к тем, кто пытается помочь! Ты была полна скепсиса в прошлый раз, когда я дала тебе листовки...

– Я их прочитала, – в доказательство Аврора достала из сумки расправленный буклет, хранящий следы перегибов – когда-то она пыталась сложить из него журавлика. – Здесь написано, что на землю сойдет зверь...

– Зверь багровый вышел из бездны. Он ищет человеческую девушку, а, может быть, уже нашел ее, – нараспев проговорила фру Эк, как-то уж слишком пристально глядя Рори в глаза. – В глубине времен звезды предсказали младенцу страшную судьбу: послужить самому дьяволу для того, чтоб выпустить из преисподней легионы тьмы. Благодаря тому нечестивому союзу на Землю снизойдет царство Зла, а человечество навсегда погрузится во тьму.

Просто смена правления, сказал он... Просто смена правления, повторила про себя Рори, и ее бросило в дрожь.

– Вы верите в это?

– Это все Мэт, – помолчав, сказала фру Эк. – Мэт... и некоторые другие. Они могут видеть и чувствовать то, что сокрыто от нас. Мэт Ленард – пастор нашей церкви. Он сказал – это неминуемо. Дьявол неотвратим, а плоть девушки слаба – невозможно остановить, но можно спастись. Когда врата ада распахнутся, и псы Апокалипсиса взвоят, предвещая скорый конец, Мэту откроется проход в иное место, в землю обетованную, куда заказан путь дьяволу и его жутким полчищам. Лишь тех, кто последует за Мэтом, ждет надежда на спасение и жизнь в райском уголке – последнем пристанище человечества, которое станет нашим ковчегом. Те же, кто насмеялся, сгинут в жерновах Армагеддона, горько жалея о своем безверии.

Во дворе яростно залаял запертый Ромул, но затем этот лай перешел в заунывный вой.

– Разумеется, ты не веришь, милая, – печально улыбнулась пожилая женщина. – Я знаю, о чем ты думаешь – пафосный бред религиозных фанатиков. И знаю, зачем пришла сюда – из-за твоего отца, помощника шерифа, я права? Старый Абнор ушел на пенсию, а вместо него назначен новый шериф, Никола Брэдшо, и его взгляды кардинально отличаются от взглядов Абнора. Он хочет объявить нас сектантами, а нашу церковь – экстремистской. Хочет запретить «Детей», убить в людях последнюю надежду на спасение. Полиции нужно побольше вызнать о церкви, потому они и подослали тебя. Рори, я не сержусь, но мне искренне жаль, что люди не понимают, какие все это мелочи по сравнению с мрачной тучей, неотвратимо надвигающейся на всех нас.

– Мне ничего неизвестно о планах отца или Брэдшо. Я пришла не из-за них, – Рори покачала головой. – Эта девушка, которая должна стать его невестой... Какова ее роль?

Собака в вольере не унималась, оглашая окрестности тоскливым воем, а фру Эк, с беспокойством выглянув в окно, проговорила:

– Известно лишь, что он должен заняться с ней сексом. Соблазнить ее, сделать своей при-спешницей, получить то, что ему нужно. Учитывая, что это дьявол, на силу ее духа надеяться бесполезно. Он ее совратит. Мэт сказал, это неизбежность. Даже если бы мы знали, кто она...

– Это я. Помогите мне, пожалуйста...

Сказать оказалось проще, чем она ожидала. Она думала, слова застрянут где-то в горле и их придется выдирать с превеликим трудом. Но с фру Эк у Рори всегда получалось так: она могла сказать психологу что угодно и чувствовала себя при этом до странности легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.